

ЧЕЛОВЕК НЕГРОМКОГО ОБАЯНИЯ

Это был удивительный человек — человек негромкого обаяния. Он не был звездой первой величины в одесской литературной компании, не был прилежным летописцем одесской школы. В. Катаев в повести "Алмазный мой венец" назовет его "наследником". Казалось бы, что может быть значительнее — но Катаев просто повторяет название его первого романа.

Во многом представление об Одессе формировалось благодаря его книгам и пьесам. Написанная в 1932 году пьеса "Интервенция", — веселая при всей трагичности, смешная, грустная и во многом пророческая (можно вспомнить лишь одну реплику: "Революция тебя обманула. Контрреволюция тебя обманула"). Повесть "Мои земляки", написанная в 1942-м (по ней поставили фильм "Два бойца", в котором одессит Аркадий Дзюбин спел "Шаланды, полные кефали"). И никто потом не верил, что исполнявший песню Марк Бернес — не одессит.

Пожалуй, он был самым "военным" в этой шумной компании. Воевал на четырех войнах — первой мировой, в Монголии, на финской, Великой Отечественной. Внешне совершенно штатский человек, он обладал спокойным, непоказным мужеством.

Лев Исаевич Славин родился 27 октября 1896 года в Одессе. В доме на улице Нежинской на втором этаже живут Славины: отец Исаак, мать Соня и их дети — сын Лев и дочери Нюся и Муся. Лев увлекался гимнастикой, иллюзионизмом и чтением. Он не только читал запоем, но и приохотил к этому всех своих приятелей. "Отказать в книге — все равно что отказать голодному в куске хлеба", — говорил он. В шумной компании гимназистов (а учился Славин в гимназии Илиади) голос хозяина звучал не так уж и часто, но к его ироническим репликам все охотно прислушивались. Это роднило его с Ильей Ильфом — та же ирония, немногословность, четкость формулировок. Но с Ильфом Славин познакомится позднее. А пока — начинается первая мировая, и Лев Славин будет призван как вольноопределяющийся. Именно эти события и лягут в основу его романа "Наследник".

С 1918 года он в Красной Армии, в 1920-м вернется в Одессу, где кипят поэтические страсти. Знакомится с Багрицким, Олешей, Катаевым, Ильфом. В те годы в Одессе Ильф и Славин очень сдружились. Они были похожи даже внешне — худощавые, стройные, по-европейски элегантные даже в потрепанных вещах Илья Ильф и полсолдатски подтянутый Лев Славин. Их роднила и манера поведения — не шумная, напористая, а спокойная, ироничная.

Долгие годы завсегдатаи одесского литературного кафе поэтов "Мебос" (в расшифровке — меблированный остров) вспоминали постановку поэмы Багрицкого "Харчевня". Средневековая Англия, объявлен турнир поэтов. Два молодых поэта — их играли Ильф и Славин — по дороге в Лондон останавливаются в трактире. И кто же его хозяин? Самый известный поэт, ныне ставший трактирщиком (его играл Багрицкий). Хозяин убедительно слагал оду еде, и доказывал преимущества жизни сытого трактирщика перед жизнью голодного поэта. Багрицкий с его пантагрюэлевским гурманством был более чем убедителен — время было голодное, и в качестве платы за зрелище просили приносить не деньги, а съестное, которое дружно уничтожалось по окончании постановки. Однако в реальной жизни литературе никто не изменил.

В 1924-м Славин перебирается в Москву, работает в газете "Гудок", через которую прошли все одесситы, кроме И. Бабеля и Э. Багрицкого. Пишет повесть "Наследник", затем пьесу "Интервенция". К нему приходит слава. Он женится на Софье Наумовне.

Как и его друг Ильф, Славин женился раз — и на всю жизнь.

А потом начинаются войны. В Монголии Славин познакомился с Г. Жуковым. Говорят, есть "офицерские" и "солдатские" журналисты. Первые пишут о стратегии, военачальниках. Вторые — об окопной жизни. Славин был из вторых. Полтора блокадных года в Ленинграде. Однажды в зал гостиницы "Астория", где размещались журналисты, попала зажигалка. Все разбежалось. Славин вытащил пальцы из кадки и корнями ее затоптал огонь. Закончил войну Славин в Берлине. Орден Красной Звезды получил по приказу маршала Жукова.

Но вскоре начинается борьба с космополитизмом, раскрытие псевдонимов, бурные обличения. Славину поставили в вину (кроме происхождения, разумеется) пьесу "Интервенция" — за ее антиисторизм, развлекательность и т. д. Естественно, перестали печатать. Семью (а со Славным жили родители) спасала Софья Наумовна. Она переводила, преподавала, писала инсценировки для кукольного театра. Только через 9 лет, в 1957-м, вышла очередная книга Льва Исаевича. Он писал книги о Ярославе Домбровском, Белинском, Герцене, Чернышевском. Вспоминал об ушедших друзьях — Олеше, Ильфе, Петрове, Бабеле, Багрицком, Платонове, Кольцове.

В 1967 году молодой режиссер Г. Полок снял фильм по "Интервенции". Он Славину не понравился. Но, когда "сверху" было принято решение не выпускать ленту в прокат, он счел своим долгом защищать ее.

Вполне процветающий (по меркам тогдашнего времени) писатель оставался верен себе. Деньги тратились на путешествия с Софьей Наумовной в Польшу, Венгрию, Чехословакию. Однажды в гостях, где Славин был самой важной персоной, хозяйка обеспокоенно заметила, что он ничего не ест. Она испуганно спросила: "Невкусно?" Славин смущенно ответил: "Вы знаете, у меня нет вилок".

Ему было неудобно сказать об этом раньше, чтобы не поставить хозяйку в неловкое положение.

Лев Славин приезжал и в свой родной город, о жителях которого когда-то давно, еще в двадцатые, написал чудный рассказ "Одесские гасконцы".

Ему исполнилось восемьдесят лет. Юбилей отмечался в Доме литераторов, в президиуме сидели Катаев, Трауберг, Плучек. Что характерно, орденов юбилар не надел. В восемьдесят пять Союз писателей предложил устроить официальный банкет. Славин отказался, и прием устраивал не в ресторане, с безликой массой приглашенных, а дома, с друзьями — старыми и молодыми. По случаю восьмидесятилетия его наградили орденом Трудового Красного Знамени.

Двух лет не дожил он до девяноста. На похоронах Льва Исаевича кто-то тронул Софью Наумовну за плечо. Она обернулась. Перед ней стоял Катаев со слезами на глазах и показывал палец. Потом с трудом выговорил: "Один... Я остался один". Катаев остался последним из знаменитой южнорусской, юго-западной школы.

Южнорусская, юго-западная, одесская продолжает жить в книгах. Не только Бабеля, Ильфа и Петрова, Катаева, но и в книгах человека с негромким голосом — Льва Исаевича Славина.

Алена ЯВОРСКАЯ.